

Научная статья

УДК 94(470.6)

DOI: 10.31007/2306-5826-2023-4-59-7-17

РАССЛЕДОВАНИЕ ДЕЛА МУЦАЛА И БУДАЧЕЯ СУНЧАЛЕЕВИЧЕЙ ЧЕРКАССКИХ (1640 г.)

Ирина Хасановна Тхамокова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, omarakana@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6020-7420>

© И.Х. Тхамокова, 2023

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с расследованием дела Муцала Сунчалеевича Черкасского, его брата Будачея, а также Идара Елбузлукова и их узденей в 1640 г. Муцал служил в городе Терки, командуя уроженцами Кавказа – узденями, окончанами, новокрещенами. Ставшие основой дела конфликты Муцала с кабардинскими владельцами Кельмаметом и Ильдаром, а также с воеводами, раскрывают некоторые особенности социально-политических отношений как в Кабарде, так и в городе Терки. Работа основана на анализе архивных документов, в том числе и тех, которые ранее не использовались. Расследование под руководством царя проводили князья Борис Репнин и Федор Волконский, использовавшие воеводские отписки, расспросные речи, челобитные и т.п. Чаще всего они повторяли обвинения в самовольстве: в отправке без царского указа персидского посла из города Терки в Азов, в выезде без разрешения из Терского города в Кабарду, а затем в Москву, в попытке решать конфликты насильственными методами вместо обращения с челобитной к царю и т.д. Муцал и Будачей отрицали большую часть обвинений, но по результатам расследования были сосланы в Галич и Вологду.

Ключевые слова: Город Терки, Кабарда, Муцал Сунчалеевич Черкасский, уздени
Для цитирования: Тхамокова И.Х. Расследование дела Муцала и Будачея Сунчалеевичей Черкасских (1640 г.) // Вестник КБИГИ. 2023. № 4 (59). С. 7–17.
DOI: 10.31007/2306-5826-2023-4-59-7-17

Original article

INVESTIGATION OF THE CASE OF MUTSAL AND BUDACHEY SUNCHALEEVICH CHERKASSKY IN 1640

Irina Kh. Tkhamokova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, omarakana@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6020-7420>

© I.Kh. Tkhamokova, 2023

Abstract. The article deals with issues related to the investigation of the case of Mutsal Sunchaleevich Cherkassky, his brother Budachey, as well as Idar Yelbuzlukov and

their uzdens in 1640. Mutsal served in the town of Terki, commanding natives of the Caucasus – uzdens, okochans and newly baptized people. His relations with Kabardian princes and Terek voivodes reveal the peculiarities of the socio-political situation of the Caucasian peoples of that period. Mutsal's conflicts with Kelmamet and Ildar, as well as with the voivodes, which became the basis of the case, show the complexity and ambiguity of the political situation. The work is based on the study of archival documents, including those that have not been used before. The investigation under the direction of the tsar was carried out by princes Boris Repnin and Fyodor Volkonsky, who used voivode despatches, questioning speeches, petitions, and so on. Most often they repeated accusations of arbitrariness: sending the Persian ambassador from the town of Terka to Azov without a tsar's decree, leaving the town of Terka for Kabarda and then Moscow without permission, attempting to solve conflicts by violent methods instead of addressing a petition to the tsar, etc. Mutsal and Budachey denied most of the accusations but were exiled to Galich and Vologda because of the investigation.

Keywords: Terki, Kabarda, Mutsal Sunchaleevich Cherkassky, uzdens

For citation: Tkhamokova I.H. Investigation of the case of mutsal and budachey sunchaleevich cherkassky in 1640. Vestnik KBIGI = KVINN Bulletin. 2023; 4 (59): 7–17. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2023-4-59-7-17

В 1639–1640 гг. обострились противоречия между кабардинскими князьями, что привело к нескольким крупным конфликтам – к насильственному переселению нескольких сел, к походу терских и астраханских ратных людей под командованием Тимофея Аладьина и Федора Чаплыгина в Кабарду, к противостоянию терских воевод и Муцала, который командовал служившими в Терках узденями, окочанами, новокрещенами. Эти события рассмотрены в нескольких работах [Века совместной истории... 2017: 108–112; Озова 2010: 3–37; Кожев 2018: 32–37; Алоев 2019: 89–99; Тхамокова 2023]. В данном случае речь идет о расследовании действий Муцала Сунчалеевича, его брата Будачея, а также Идара Елбузлукова и их узденей в этот период. Это разбирательство очень кратко упоминается в нескольких научных статьях и монографиях. Однако оно заслуживает более подробного изучения, поскольку раскрывает некоторые особенности социальной структуры кабардинского общества, а также отношений Кабарды и российского государства в тот период. В трудах по истории Северного Кавказа отмечается, что народы региона и Москва в XVI–XVII вв. по-разному понимали договоры, связывавшие их [Века совместной истории... 2017: 89; Озова Ф.А. 2010: 18–19]. Расследование действий Муцала и Будачея – это один из примеров и свидетельств подобных разногласий. Необходимо уточнить хронологию расследования – не вполне понятно, когда и как оно началось и когда закончилось, а также другие обстоятельства – кто его проводил и какие методы при этом применял.

Работа основана на изучении архивных документов, в первую очередь – дела, хранящегося в РГАДА [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1–2], которое до последнего времени не использовалось историками. Оно содержит отписки терских воевод о событиях того времени, многочисленные челобитные, расспросные речи, записанные в ходе следствия, документы, касающиеся ссылки Муцала и Будачея и т.д.

Из всех участников конфликта первыми в Москву приехали Кельмаммет Куденетович и его брат Ильдар. 27 мая 1640 г. они уже были там вместе с 25 своими узденями [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 41]. 7 июня состоялся прием у царя, где они подали челобитную. Они жаловались на Муцала и Будачея, повторяли уже высказывавшиеся ими ранее обвинения в разоренье, в насильственном переселении аулов, в том, что во время похода воеводы Аладьина и Федора Чаплыгина в Кабарду Муцал и Будачей среди ратных людей «великую смуту» сделали, из-за чего астраханские люди многие ушли в Астрахань, что Муцал «с вестью» об этом походе посылал узденей своих в Кабарду и т.п. Другие обвинения заключались в том, что когда в Терки приезжал из Кабарды Мисост Казыев, то Муцал и Будачей насильно забрали его из острога, что Муцал топором замахивался на воевод и т.п.

Жаловались также на то, что 18 марта 1640 г. Будачей со своими узденями напал рядом с Терским городом на Кельмамета и его узденей, хотел их убить или захватить. Об этом же событии писали и терские воеводы [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 31–34, 42–46].

В то время, когда Кельмамет и Ильдар были уже в Москве, Муцал и Будачей находились в Астрахани, но тоже направлялись в Москву. Они ехали туда добровольно и даже вопреки противодействию терских воевод. Муцал и Будачей подавали им челобитную с просьбой отпустить их в столицу, но получили отказ. Тогда они (вместе с Идаром Елбузлуковым) приехали в Астрахань и уже здесь получили от астраханских воевод Юрия Сицкого и Саввы Самсонова разрешение на поездку в Москву. Муцал, Будачей и их уздени 31 мая 1640 г. выехали вместе с представителями Астрахани («станичниками»), отправлявшимися в Москву. Муцал и Будачей собирались сообщить там «о своих великих обидах» и везли аргамаков в подарок царю [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 51–52, 151].

Терские воеводы Иван Хилков и Тимофей Аладьин добрались до Москвы значительно позже. К 8 сентября 1640 г. они еще не доехали туда, поэтому на их поиски был направлен сын боярский Бажен Скорятин. Воеводам городов Поволжья было указано не задерживать его и терских воевод, а отправлять их тотчас к Москве [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 2. Л. 408–409].

К этому времени в Терках уже были новые воеводы – Семен Шаховской и Савва Нарбеков. Одно из первых их дел касалось Муцала. 26 июля 1640 г. они получили царскую грамоту. Им было велено, приехав в Терки (возможно, они тогда еще не доехали до этого города), вызвать к себе Муцала и Будачея и напомнить им обо всех их проступках: о вражде с Кельмаметом и Ильдаром, о переселении аулов, о Мисосте и т. д. Воеводы должны были сказать Муцалу и Будачею, что им и их узденям царское жалованье дается не для того, чтобы они нападали на тех, кто служит царю. После этого следовало держать Муцала и Будачея «за крепкими приставами», а «пущих воров» из числа их узденей надо было посадить в тюрьму. Все это следовало делать, соблюдая осторожность, чтобы в городе было «людно и стройно», и служилые люди ходили с оружием. Муцала и Будачея велено было послать в Астрахань под надежной охраной («в великой крепости») [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 35–38]. Это показывает, насколько серьезно восприняли в Москве происшествия в городе Терки. Но когда терские воеводы получили эти инструкции, Муцал и Будачей, а также Идар мурза Елбузлуков находились уже в Москве.

Они вместе с 47 своими узденями приехали туда 16 июля 1640 г. [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 47]. Они подали челобитную с жалобой на князя Нарчова, на Кельмамета и Ильдара. Жаловались на то, что те хотели их с братьями «побить насмерть», на то, что когда-то князь Нарчов, Кельмамет и Ильдар отняли у них шесть аулов и угрожали и остальными их аулами завладеть. Они вспоминали верную службу царю их отца Сунчалая и брата Шолоха, и свою службу. Они также просили царя, чтобы сыск по их делу проводили не терские воеводы Иван Хилков и Тимофей Аладьин, которые дружили с Кельмаметом и Ильдаром, а любые другие его холопы – русские люди или иноземцы [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 48–49, 84–87]. Муцал подал еще одну челобитную с жалобой на терских воевод, которые, по его словам, ложно обвиняли его в том, что он отпускает из Терка аманатов и не дает заменять их на новых. По его словам, аманаты и в тот момент находились в Терском городе, что было известно всем его жителям [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 50]. Видимо, имелся в виду случай с захватом Мисоста и аманата.

1 августа 1640 г. царь издал указ о расследовании действий Будачея и Муцала и поручил его боярину князю Борису Александровичу Репнину и окольничему князю Федору Федоровичу Волконскому. Первый из них в это время возглавлял

сыскной приказ, занимавшийся розыском закладчиков, беглых посадских людей [Смирнов 1947: 463]. Они, видимо, имели представление о расследовании преступлений. Но руководил следствием лично царь: он выбирал вопросы, на которые следовало обратить особое внимание. В первую очередь он собирался выяснить, почему Муцал послал своих узденей провожать персидского посла из города Терки в Азов, и почему он и его брат Будачей приходили на терских воевод со многими своими людьми и с «великим шумом», хотели их побить и Муцал замахивался на воеводу топором. Сыск проводился при помощи отписок терских воевод, исходя из которых формулировали вопросы. Уже 6 августа царю сообщили ответы Муцала и Будачея, и он указал опросить еще Кельмамета и Ильдара [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 88, 153]. Впоследствии в деле появились и другие вопросы: о передаче в Кабарду сведений о предстоящем походе Тимофея Аладьина, о роли Муцала и его брата Будачея в разорении и переселении аулов Кельмамета. Царь приказал также расследовать челобитье Кельмамета и Ильдара с обвинением Муцала «в обидах и во всяких насильствах» [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 210].

Помимо отписок терских воевод [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 98–107], в ходе расследования использовалось письмо донских атаманов о приезде персидского посла [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 9, 10], челобитные Кельмамета и Ильдара мурз [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 76–83], а также самих Муцала и Будачея [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 84–87]. Участников дела расспрашивали об этих событиях «порознь» [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 9, 10], чтобы можно было сравнить их ответы и найти противоречия [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 154]. В ходе расследования проводили также очные ставки Муцала и Будачея, с одной стороны, и Кельмамета и Ильдара – с другой. Их «ставили с очей на очи» [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Л. 268, 284, 286, 297, 328, 346].

Когда подобные расследования проводились в Терках – например, о смерти князя Сунчалая [РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1625 г. № 12] или по жалобе князя Пшимахо на терского воеводу [РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1628 г. № 35], то опрашивали множество терских жителей самых разных социальных групп и национальностей, но в Москве невозможно было это сделать, поэтому расспросы затронули только несколько человек – Муцала, Будачея, Ильдара Елбузлукова, Кельмамета и Идара Елбузлукова. Даже о расспросе узденей Кельмамета, Муцала и Будачея, которые находились в Москве, нет сведений.

О проводах персидского посла из города Терки в Азов в Москве узнали из письма донских атаманов от 6 мая 1640 г. Город Азов был захвачен в тот период донскими казаками. Шах отправил к ним своего посла, а Муцал поручил 10 своих узденям (Иналуку, Буту и другим) проводить его [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 9, 88].

По рассказу Муцала, посол бил челом терским воеводам, чтобы его проводили в Азов. Воеводы собирались послать вместе с ним сына боярского, толмача и 25 стрельцов. Также и торговые люди должны были поехать с ними. Но затем в Терки приехал Кельмамет, и по каким-то его проискам отправление каравана было отменено. Посол бил челом в том, чтобы его отпустили в Астрахань, а оттуда в Москву, но ему и туда не позволили уехать. После этого Муцал и отправил своих узденей вместе с послом. Муцал вспоминал, что у посла были шахские грамоты и к донским казакам, и к царю, и к самому Муцалу (его сестра была замужем за шахом по царскому «веленью»). Когда кызылбашский посол и торговые люди, которые хотели его сопровождать, узнали о том, что отправление каравана отменяется, они начали нанимать узденей Муцала для своей охраны и предлагали по 12 рублей человеку. Узнав об этом, Муцал разрешил им проводить посла. В караване вместе с послом были также окочане и тезики из Терского города [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 90–94].

Князя Борис Репнин и Федор Волконский говорили Будачею и Муцалу, что они царские холопы, как же они могли без царского указа посылать своих узденей

вместе с послом в Азов? Муцал ответил, что царь с шахом в дружбе и любви. На что князья возразили, что хотя царь и шах в дружбе, но Муцал холоп царя, а не шаха, и не должен был без его указа так поступать [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 91, 95–96].

Кельмамет и Ильдар несколько иначе обрисовали картину с проводами кызылбашского посла. По их словам, послами в Терках ведают терские воеводы, только они принимают и отпускают послов. И именно воеводы не хотели проводить послов в Азов без царского указа. А Кельмамет и Ильдар всего лишь сказали воеводам, что если царю угодно, чтобы послы поехали в Азов, то воеводы могут делать, как хотят, а если неудобно, то пусть делают как лучше. Но воеводы ответили, что указа у них нет и что, как они слышали, шах в своей грамоте казакам пишет, чтобы они служили ему так же, как служат царю. И после этого воеводы не отпустили послов [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 156–159]. Тогда Муцал послал своих узденей провожать посла и сам в течение дня его провожал до речки Кизляр. Терские воеводы послали сотника стрелецкого и 40 стрельцов для того, чтобы вернуть посла назад. Но Муцал того сотника и стрельцов бил плетью и вернул, а сам проводил и отпустил посла. При этом Кельмамет и Ильдар ссылались на терских воевод и сотника, которые им об этом рассказали [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 160].

Муцал в ответ на это сказал, что он посла провожать не ездил, а поехал он через два дня после отъезда посла в свои «отары», и в это время посол как раз был «в отарах». Ни сотника стрелецкого, ни стрельцов он не бил [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 161]. После этого вновь спрашивали Кельмамета и Ильдара о том, как звали тех узденей Муцала, которые провожали посла. И они назвали Иналуку и Бога [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 163–164]. Вторично расспрашивали также и Будачей, поскольку он говорил о том, что воеводы не захотели отпускать персидского посла по наговорам Кельмамета, а сам Кельмамет это отрицал. Будачей ответил, что его в это время в Терках не было, а рассказывал ему об этом его брат Муцал [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 165]. Несколько раз расспрашивали и Кельмамета, и Муцала о том, куда делась адресованная царю шахская грамота, которая была у посла. Кельмамет ответил, что не знает, была ли она. Муцал сказал, что ему об этой грамоте говорил сам посол, грамота у него была, и ее взяли терские воеводы [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 167–169].

Еще одним важным вопросом было расследование событий в Терском городе, когда Будачей и Муцал самовольно забрали из острога посланца кабардинских князей Мисоста Казыева и перевели его в свою слободу. По отписке воевод Муцал и Будачей «шумели» на воевод, позорили их, пришли в острог к Мисосту со многими своими узденями, Муцал бил стрельцов и замахивался топором на воеводу [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 98–104; 108–110].

Мисост постарался объяснить, что его поведение объяснялось его шертью (присягой), которая связывала его (как ранее – его отца и брата) с Алегуко Шегануковым, которому Муцал дал клятву в том, что аманатов будут «переменять». Муцал чувствовал свою ответственность за выполнение присяги, и боялся, что иначе его сочтут бесчестным человеком, никто больше не будет ему верить. Однако по челобитью Кельмамета и Ильдара обмен не мог состояться, аманата и Мисоста не выпускали из острога. Как отвечал во время допроса Кельмамет, он просил задержать Мисоста и аманата, чтобы заставить Алегуко и Хатокшуко отпустить его аулы [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 175]. Когда человек Мисоста передал эту новость Муцалу и Будаچهю, они пошли к воеводам, чтобы просить их отпустить аманата.

В то же время Муцал и Будачей, а также Идар Елбузлуков отрицали большую часть выдвинутых против них обвинений. Они не приходили к воеводе с множеством людей, не «шумели» на него, не позорили его, Муцал не замахивался на

воеводу топором и т.д. Они били челом воеводам в том, чтобы аманата не задерживать, а если его задерживают по царскому указу, то просили показать им этот указ. По словам Муцала, они готовы были подчиниться любому царскому указу. Но указа не оказалось, воеводы действовали в соответствии с челобитной Кельмамета и Ильдара. После этого Муцал и решил забрать Мисоста к себе в слободу, а воевода, по его словам, разрешил им делать, что хотят. [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 112–118, 126–133, 150]. Когда воевода прислал к ним сотника стрелецкого с вопросом о том, почему они взяли Мисоста, то Муцал и Будачей ответили, что воевода разрешил им делать, что они хотят.

Князя Репнин и Волконский, которые вели это расследование, пытались найти противоречия в их показаниях. Они сказали Муцалу, что, по его же словам, воевода прислал к нему сотника стрелецкого, который говорил, что воевода не отпускал Мисоста. Почему же они его не послушали? [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 135].

Будачею было сказано, что если они не брали Мисоста и аманата силою, то зачем тогда воеводы пошли на мост и зачем они приказали бить в колокол? [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 116–117]. Муцалу задали вопрос о том, зачем воеводе наговаривать на него. Муцал отвечал, что они с воеводой в «недружбе», и это известно всему городу, что воевода делает то, что хочет Кельмамет. И еще Муцалу говорили о том, что если воевода был его недругом, то ему надо было бить челом царю, а не проявлять непослушанье, не забирать самовольно аманата и Мисоста, который сам передавал воеводам, что его взяли насильно [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 134–138]. Муцал опять оправдывался тем, что воевода писал неправду, и Мисоста не забирали против его воли.

Еще один обвинение, которое предъявили Муцалу, заключалось в том, что он передал известия о готовившемся походе терских ратных людей под командованием Тимофея Аладьина в Кабарду, что он и его брат Будачей подстрекали кабардинцев к военным действиям против этих отрядов [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 105–107, 142]. Однако ни тот, ни другой не признали свою вину. Никаких вестей они не передавали и военные действия не провоцировали. Муцал послал в свои аулы в Кабарде тех узденей, которые приезжали к нему в Терки.

Князя Репнин и Волконский пытались поставить их в тупик сложными вопросами. Например, спрашивали о том, откуда Алегуко и Хатокшуко узнали о походе воеводы Аладьина в Кабарду, если они им об этом не сообщали? Будачей и Муцал ответили, что узнали об этом потому, что из Кабарды часто ездят люди на Терку и с Терки [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 120–122, 143–144]. Муцала убеждали сказать правду и признаться в том, что он предупредил Алегуко и Хатокшуко о походе Аладьина, но он стоял на своем. И Муцал, и Будачей отрицали обвинения в измене. Они говорили, что вины своей перед Государем не ведают [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 120–122, 144].

Муцала спрашивали о том, почему он без царского указа и без разрешения воевод ездил «самовольством» в 1639 г. в Кабарду. Он отвечал, что Кельмамет, Ильдар и князь Нарчов взяли 6 их аулов, и что к нему приехал его брат Алегук и рассказал об этом. Он бил челом воеводам, чтобы его отпустили и вместе с ним отпустили «для обереганья» ратных людей. Воеводы не разрешили ему уехать. В то время жена Навруза мурзы, сына князя Малого Ногай, направлялась из Терского города домой в сопровождении людей Муцала. На нее напали «воровские» казаки и ограбили ее. Воеводы послали Муцала за этими казаками, а вместе с ним поехали сотник и 80 стрельцов. И пока он был в походе, его брата из города не отпускали. Муцал тех казаков нашел и разбил. А затем в Терки пришла весть о том, что Кельмамет, Ильдар и князь Нарчов забрали аулы Будачея, а его самого хотели убить. После этого Муцал опять бил челом воеводам, чтобы его отпустили в Кабарду и дали ему ратных людей. Он, по его словам, хотел поговорить

с Кельмаметом и с князем Нарчовом, но ему снова отказали. Тогда Муцал ответил, что поедет сам, чтобы брата своего «поберечь» [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 218–221].

В то же время Муцал отрицал, что просил ратных людей у Алегуко и Хатокшуко, он просил их только поговорить с Кельмаметом и Ильдаром, чтобы те вернули села Будачей [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 225–226]. Муцал и Будачей также не признавали, что они хотели побить Кельмамета и Ильдара и для этого приходили к их аулам, что они разграбили их и сожгли и т.д. [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 263–264].

Точно так же Муцал и Будачей отрицали, что Будачей напал на Кельмамета у города Терки. По их словам, это был не Будачей, а ногайский Куденек мурза [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 231–234]. И попытки проводивших расследование князей убедить Будачая изменить показания и признаться во враждебных действиях ни к чему не привели. Он сказал, что тех его людей, которых Кельмамет обвиняет в покушении, в тот день послали в город с баранами, потому что у него были гости, так что они никак не могли принимать участие в нападении. И эти уздени были с ним в Москве, но об их расспросах никаких данных не сохранилось [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 242]. Муцала спрашивали о том, почему он не прислал к воеводам тех узденей и татар, которые, по словам Кельмамета, пытались его захватить или убить и за которыми воеводы посылали стрелецких голов и детей боярских. Муцал ответил, что этих узденей тогда не было на месте, они находились «в отарах» [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 248–252]. Но Кельмамет не отказывался от своих обвинений и бил челом о том, чтобы царю сообщили о том, как Будачей со своими людьми пытался его убить [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 244].

Будачая, Муцала и Идара Елбузлукова спрашивали также о том, как они уехали из города Терки в Москву. Они ответили, что били челом терским воеводам, но те их не отпустили в Москву. Тогда они поехали в Астрахань и били челом астраханским воеводам, и уже те разрешили им уехать. Им ответили, что если терские воеводы не отпустили их к Москве, то они должны были бы бить челом царю, а не ехать «самовольством» [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 1. Л. 152].

Муцал и Будачей, по словам проводивших расследование князей Репнина и Волконского «запирались» против воеводских отписок и челобитных Кельмамета и Ильдара: они отрицали почти все выдвинутые против них обвинения [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 2. Л. 324–325]. Даже тогда, когда им уже было известно о предстоящей ссылке, они в своей челобитной еще раз написали о том, что терские воеводы обвиняли их ложно, и просили устроить очную ставку с ними [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 2. Л. 590]. Но терские воеводы тогда еще не доехали до Москвы. Уже значительно позже, 10 апреля 1641 г., князь Репнин и Волконский вновь опрашивали Муцала и Будачая о походе Т. Аладьина, и тогда была проведена очная ставка между ними и бывшими терскими воеводами. Но это было уже расследование, скорее, дела воевод, чем Муцала и Будачая. Речь шла о том, что накануне похода Аладьина воевода Хилков был в гостях у Муцала и мог выдать ему эту новость, а Будачей потом передал ее в Кабарду. Однако, и Муцал, и Будачей, как и раньше, все отрицали [Народы Кабардино-Балкарии... 2017: 119–120].

В материалах расследования дела Муцала и Будачая семь документов датированы одним числом – 31 августа 1640 г. Это был канун нового 7149 г. со дня сотворения мира [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 2. Л. 287 об., 292 об., 297 об., 298 об., 300 об., 305 об., 311 об.]. Среди этих материалов были челобитные Кельмамета и Ильдара, а также (в основном) – Будачая и Муцала. В этот же день царь, видимо, ознакомился с содержанием некоторых документов и «пожаловал взять к делу» [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 2. Л. 345, 348, 351]. И это, возможно, был последний день расследования, поскольку уже несколько дней спустя Муцал и

Будачей отправились в ссылку. Но в исследуемом двухтомнике нет никакого итогового документа по результатам расследования – ни царского указа или грамоты, ни окончательных выводов князей Репнина и Волконского, проводивших разбирательство.

О результатах их работы можно получить приблизительное представление из более позднего источника – записи о приеме царем Муцала и Будачея, когда их уже освободили из ссылки. Им тогда напомнили, что в 1640 г. Муцал послал своих узденей провожать персидского посла с города Терки в Азов, что Муцал и Будачей вместе со многими узденями приходили в острог и силой забрали оттуда Мисоста и нового аманата, и что по их же вине аулы Кельмамета и Ильдара пожгли, разграбили и переселили в другое место.

Главным, в чем обвиняли Муцала и Будачея, было «самовольство». Без царского указа, без разрешения воевод они отправили узденей провожать шахова посла, точно так же самовольно они вывели Мисоста из острога, и против Кельмамета и Ильдара мурз они тоже действовали самовольно. Если у них и была ссора с Кельмаметом и Ильдаром, то им следовало бить челом царю, а не разорять их аулы [Кабардино-русские отношения... 1957: 209–210]. В этом документе нет обвинений в том, что Муцал и Будачей послали в Кабарду весть о походе терского и астраханского войск под командованием Тимофея Аладьина и Федора Чаплыгина. Возможно, посчитали, что это обвинение не было доказано. Но и без того самовольство было достаточным основанием для того, чтобы отправить их в ссылку.

Многие документы о ссылке Будачея и Муцала датированы 8 сентября 1640 г. Среди них царская грамота вологодскому воеводе Хованскому, в которой сообщалось о том, что в Вологду по царскому указу «за вину» ссылается Будачей мурза князь Сунчалеев сын Черкасской и несколько его узденей. С ними ехал князь Ухтомский и 10 московских стрельцов «для береженья». В Вологде князь Ухтомский должен был остаться при Будачее «в приставах», а московских стрельцов должны были сменить вологодские. В Вологде Будачею должны были давать на пропитание денег по гривне да питья: по 4 чарки вина и по ведру пива [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 2. Л. 394–395, 407]. Уже 19 сентября 1640 г. князь Ухтомский сообщал царю через сыскной приказ и князей Репнина и Волконского, что они с Будачеем и его узденями благополучно прибыли в Вологду, и воевода отвел им дворы [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 2. Л. 586].

Еще одна грамота (и тоже от 8 сентября) была предназначена будущему «приставу» Муцала. Кем был этот пристав – не совсем понятно, его имя в документах несколько раз изменялось. С Муцалом, как и с Будачеем, следовало несколько его узденей, и для них были отпущены из Москвы шесть подвод с телегами. Муцал, как и Будачей, получал «на корм» по гривне, по 4 чарки вина и по ведру пива, а его уздени – по алтыну денег. Для охраны ссыльного были выделены 10 московских стрельцов. Ехать в Галич с Муцалом и узденями следовало не мешкая, и в дороге и на остановках «держат береженье великое», чтобы они не бежали и «дурна» какого «над собою не учинили» [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 2. Л. 399–401]. Не доезжая до Галича, следовало послать туда царскую грамоту о размещении Муцала. Воевод в Галиче, видимо, не было, поэтому грамота предназначалась губным старостам города. Они должны были выделить двор для Муцала и недалеко от него – двор для его пристава. Им же предстояло обеспечить ссыльного дровами, лучинами, свечами. Охрана Муцала была возложена на вологодских стрельцов. Видимо, в Галиче не было стрельцов или их было недостаточно [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 2. Л. 398]. Приставу и 10 вологодским стрельцам следовало следить за тем, чтобы Муцал и уздени никуда со двора не выходили, и к ним бы никто не приходил, и чтобы «дурна» они над собой «не учинили». И о том, когда Муцал и его уздени приехали в Галич и там разместились, пристав и губные старосты должны были написать царю, а отписку подать в сыском приказе

князьям Репнину или Волконскому, которые расследовали это дело [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 2. Л. 401–406, 594].

Двух узденей Муцала (имена их не названы) выслали отдельно от других и дальше всех: одного в Устюг, другого – в Сольвычегодск [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 2. Л. 572].

Идар Елбузлуков (а вместе с ним 7 его узденей, 13 узденей Будачей и 13 узденей Муцала) выехал из Москвы с терским сотником Михаилом Молчановым. Астраханским воеводам была послана грамота о том, чтобы они Идара Елбузлукова, его узденей и узденей Муцала отпустили вместе с Михаилом Молчановым в Терки, а узденей Будачей оставили в Астрахани, и из их числа послали бы кого-то вместе с князем Дмитрием Горчаковым в его поход в Кабарду [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 2. Л. 556–559]. Одного из узденей Муцала, который ехал вместе с Идаром Елбузлуковым, вернули с дороги в Москву. Он был мастером панцирного дела и, видимо, его умение понадобилось царю [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 2. Л. 591–592].

В то самое время, когда Муцал и Будачей отправлялись в ссылку, Кельмамет возвращался на Кавказ. Он сам в своей челобитной просил поскорее отпустить его, чтобы «летним путем» доехать до Терского города. Он повторял, что должен освободить свою мать и сестер, как и свои аулы, чтобы последние его «людишка» врозь не разбрелись [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 2. Л. 291]. Но для этого ему нужна была помощь.

По челобитью Кельмамета и Ильдара, на Кавказ был послан князь Дмитрий Горчаков, который получил наказ, касавшийся Алегуко Шеганукова: если тот будет «в непослушанье», то князь должен будет вместе с терскими и астраханскими ратными людьми «идти» на него и воевать с ним. Из Астрахани должны были отправиться в поход 500 конных стрельцов и две тысячи «юртовских и едисанских» татар, а из Терок – детей боярских и «всяких людей» 500 человек «или больше» [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 2. Л. 412, 417–421]. Соответствующая грамота была отправлена и терским воеводам, [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 2. Ч. 2. Л. 550–555].

Последующие события в Кабарде достаточно хорошо известны. Они упоминаются во многих документах и не раз становились предметом научного исследования [Века совместной истории...2017: 109-111; Озова Ф.А. 2010: 16–25; Кожев 2018: 32–37; Алоев 2019: 89–99]. В ходе похода Дмитрия Горчакова аулы Кельмамета были переведены из «Казыевой» в «Шелохову Кабарду». В 1641 г. состоялась битва на Малке, в которой Алегуко Шегануков, Хатокшуко Казыев и ногайцы Малого Ногая разгромили объединенное войско Кельмамета, терских ратных людей и тарковского шамхала. После этого Алегуко и Хатокшуко со своими людьми переселились за Кубань. Уже в апреле 1642 г. Муцал и Будачей Черкасские были впервые после начала ссылки приняты царем и получили прощение. Затем они принесли шерть царю. В тексте присяги, среди прочего, было обязательство переселить аулы Будачей на Сунжу. Идар Елбузлуков, который находился в Терках, тоже был прощен.

После переговоров с Муцалом 21 мая 1643 г. Алегуко Шегануков приехал в Терки и тоже принес новую шерть царю, а в 1644 г. Казыева Кабарда переселилась из-за Кубани на Куму, значительно ближе к Теркам [Кабардино-русские отношения...1957: 204, 205, 208–212, 227–238, 249–250; Народы Кабардино-Балкарии 2017: 121–126, 139–142]. В 1645 г. царь утвердил Муцала князем над окочанами и над черкесами, жившими в Терках [Кабардино-русские отношения...1957: 260–261]. В последующие годы он успешно продолжал свою службу. В 1646 г. Муцал во главе терских ратных людей принимал участие в походе против крымского войска [Кабардино-русские отношения...1957: 273–275]. В 1651 г. Муцал защищал Сунженский острог, его тогда удалось отстоять [Кабардино-русские отношения 1957: 305; Русско-дагестанские отношения...1958: 182]. Его лояльность царю не вызывает сомнений, но и в этот период Муцал продолжал проявлять большую

самостоятельность и независимость. На протяжении нескольких лет он обещал переселить на Сунжу села своего брата Будадея, но вместо этого самовольно перевел туда аулы барагунцев, живших в Северном Дагестане [РГАДА. Ф. 121. Оп. 1. 1652. Д. 1. Л. 3]. Тем самым он спровоцировал конфликт с шамхалом Сурхаем и эндирейским правителем Казаналпом.

Расследование дела Муцала и Будадея Сунчалеевичей Черкасских началось 1 августа 1640 г. и продолжалось около месяца. Проводили его князья Борис Репнин и Федор Волконский под контролем и руководством царя. Они использовали отписки терских воевод, челобитные, и расспросные речи Муцала и Будадея, а также Кельмамета и Ильдара Куденетовичей. Чаще всего в расследовании повторялось обвинение Муцала и Будадея в «самовольстве». Как царские холопы они не могли без царского указа уезжать из города Терки ни в Кабарду, ни в Москву, не говоря уже о проходах персидского посла в Азов. В случае конфликта с терскими воеводами или с Кельмаметом и Ильдаром, Муцал и Будачей должны были обращаться с челобитной к царю, а не действовать самостоятельно, т.е. не переселять аулы и не забирать без разрешения из терского острога приехавших из Кабарды Мисоста и аманата. Хотя ни Муцал, ни Будачей не отказывались подчиняться царским указам, напротив, они проявляли готовность их выполнять, но часто действовали, не дожидаясь их. Терки находились далеко от Москвы, и ожидать нужных распоряжений приходилось слишком долго, а Муцал и Будачей нередко должны были принимать быстрые решения. Они предпочитали проявлять больше самостоятельности и независимости, чем полагалось царским слугам. Но это, в свою очередь, вызывало недовольство властей.

Другая причина заключалась в особых отношениях, которые связывали Муцала с Кабардой. Несмотря на то, что он жил рядом с Терским городом, у его брата Будадея были аулы в Кабарде, и по этой причине отношения с другими кабардинскими владельцами были для него очень важны. Он должен был суметь найти себе союзников среди них и одержать верх над своими противниками. Это было для Муцала не менее значимо, чем его положение в Терском городе.

Еще одна причина заключалась в том, что Муцал не только присутствовал на присяге кабардинских князей царю, но он и сам давал им клятву соблюдать данные им обязательства, например, обменивать одних аманатов на других. Для Муцала выполнение ее было настолько важным, что ради этого он мог забыть об обязанностях царского «холопа».

Список источников

Алоев 2019 – *Алоев Т.Х.* Ловушка двоемыслия (битва на Малке (1641 г.): историография и источники) // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева. 2019. № 20 (44). С. 89–99.

Века совместной истории 2017 – *Века совместной истории: народы Кабардино-Балкарии в российском цивилизационном процессе (1557–1917)* / Составление, вступительная статья К.Ф. Дзамихова. Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. 544 с.

Кабардино-русские отношения 1957 – *Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.* Документы и материалы в 2-х томах / Ред. Т. Х. Кумыков, Е. Н. Кушева. Т. 1. М.: Академия наук, 1957. 478 с.

Кожев 2018 – *Кожев З.А.* Битва на Малке (1641 г.): историография и источники // Вестник КБИГИ. 2018. Вып. 3. С. 32–37.

Народы Кабардино-Балкарии 2017 – *Народы Кабардино-Балкарии и Россия в политической истории Кавказа* (сер. XVI – первая половина XIX в.). Документы и материалы. Ч. 1 / Сост. К.Ф. Дзамихов. Нальчик: КБИГИ, 2017. 399 с.

Озова 2010 – *Озова Ф.А.* Причины и последствия сражения на реке Малке 12 июля 1641 г. // Вестник института гуманитарных исследований правительства КБР и КБНЦ РАН. В. 17. Ч. I. Нальчик, 2010. С. 3–37.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

Русско-дагестанские отношения 1958 – *Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в.* (Документы и материалы). Махачкала: Дагкнигоиздат, 1958. 336 с.

Тхамокова 2023 – *Тхамокова И.Х.* Город Терки и Кабарда (новые сведения о событиях 1639-1640 гг.) // Вестник КБИГИ. 2023. № 3.

References

ALOEVA T.H. *Lovushka dvoemysliya (bitva na Malke (1641 g.): istoriografiya i istochniki)* [The trap of doublethink (the battle of Malka (1641): historiography and sources)]. IN: Vestnik nauki Adygejskogo respublikanskogo instituta gumanitarnyh issledovanij imeni T.M. Kerasheva. 2019. № 20 (44). Pp. 89–99. (In Russian)

Kabardino-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vv. Dokumenty i materialy v 2-h tomah. [Kabardino-Russian relations in the XVI–XVIII centuries. Documents and materials in 2 volumes] / Red. T.H. Kumykov, E.N. Kusheva. T. 1. M.: Akademiya nauk, 1957. 478 p. (In Russian)

KOZHEV Z.A. *Bitva na Malke (1641 g.): istoriografiya i istochniki* [Battle of Malka (1641): historiography and sources] IN: Vestnik KBIGI. 2018. №. 3. Pp. 32–37. (In Russian)

Narody Kabardino-Balkarii i Rossiya v politicheskoy istorii Kavkaza (ser. XVI – pervaya polovina XIX v.). [The Peoples of Kabardino-Balkaria and Russia in the Political History of the Caucasus]. Dokumenty i materialy. CHast' 1 / Sost. K.F. Dzamihov. Nal'chik: KBIGI, 2017. 399 s.

OZOVA F.A. *Prichiny i posledstviya srazheniya na reke Malke 12 iyulya 1641 g.* [Causes and consequences of the battle on the river Malka July 12, 1641]. IN: Vestnik KBIGI. Vyp. 17 – 1, 2010. Pp. 3–37. (In Russian)

Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [Russian State Archive of Ancient Acts].

Russko-dagestanskije otnosheniya XVII – pervoj chetverti XVIII v. (Dokumenty i materialy) [Russian-Dagestani relations of the XVII – the first quarter of the XVIII century (Documents and materials)]. Makhachkala: Dagkniigoizdat, 1958. 336 p. (In Russian)

ТХАМОКОВА И.Х. *Gorod Terki i Kabarda (novye svedeniya o sobytiah 1639–1640 gg.)* [Terki and Kabarda (new information on the events of 1639–1640)] // Vestnik KBIGI. 2023. № 3.

Veka sovmestnoj istorii: narody Kabardino-Balkarii v rossijskom civilizacionnom processe (1557–1917) [Centuries of joint history: the peoples of Kabardino-Balkaria in the Russian civilization process (1557–1917)] / Sostavlenie, vstupitel'naya stat'ya K.F. Dzamihova. Nal'chik: Izdatel'skij otdel IGI KBNC RAN, 2017. 544 p. (In Russian)

Информация об авторе

И.Х. Тхамокова – кандидат исторических наук, ст. научный сотрудник сектора этнологии и этнографии.

Information about the authors

I.Kh. Tkhamokova – Candidate of Science (History), Senior Researcher of the Department of Ethnology and Ethnography.

Статья поступила в редакцию 17.11.2023; одобрена после рецензирования 10.12.2023; принята к публикации 26.12.2023.

The article was submitted 17.11.2023; approved after reviewing 10.12.2023; accepted for publication 26.12.2023.